

Правда и кривда

Основано на издании 1894 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/pravda_i_krivda/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Правда и кривда

Жили-были в одной деревне два портных – Иван да Наум. Вот решили они как-то в соседнюю волость податься, чтобы там своим ремеслом промышлять. Пришли в одно село, стали крестьян с крестьянками обшивать, заработали по двадцать рублей на брата. Потом отправились в другую волость, а по дороги заспорили: как лучше жить – правдой или кривдой.

— Правдой нужно жить! – говорит Наум.

А Иван ему отвечает:

— Врёшь ты всё! Только те, кто кривить душой умеет, в сапогах ходят. Вон, вспомни старика Архипа из нашей деревни! Весь век он правдой прожил, а отродясь и до самой смерти ни сапог, ни хорошей рубахи не нашивал. Так в лаптях да косоворотке рваной и помер.

Только Наум на своём стоит, с приятелем не соглашается. Ударились они тогда об заклад: договорились дойти до ближайшего села да спросить у людей, чем лучше жить. Если скажет им народ, что правдой, то криводушный отдаст правдивому свои двадцать рублей. А если крестьяне считают, что кривдой, то пусть правдивый расплачивается. Пришли они в село, стали по избам ходить да народ расспрашивать:

— Скажите, люди добрые, чем лучше жить – правдой или кривдой?

Кого не спросят – у всех один ответ:

— Да какая ж теперь правда? За правду не то что не похвалят, а ещё и кляузником назовут!

— Ой, нашли о чём толковать! Само собой кривдой жить лучше! Она-то в сапогах ходит, а вот правда – в лаптях.

— Да от правды никакого толка! Кто врёт, тот и хорошо живёт!

Делать нечего – уговор дороже денег. Отдал Наум Ивану свои двадцать рублей, стали они опять работать – крестьян с крестьянками обшивать. Как по тридцать рублей на брата заработали, отправились в третью волость. А по дороге опять о том же заспорили: чем лучше жить? Ударились об заклад на тридцать рублей. Дошли до села, а навстречу купец едет.

— Ваше степенство! Реши ты наш спор: чем лучше жить на свете – правдой или кривдой? – спрашивают мужики.

— Отцы наши говаривали: не обманешь – не продашь, – отвечает купец. – Так неужто нам умней их быть? Наше дело купеческое: купил – продал. Правдой сыт не будешь, а кривдой не подавишься. Люди нам ложь – мы им то ж!

Отдал Наум Ивану тридцать рублей, остались портные в том селе работать. Зарабо-

тали они на этот раз по пятьдесят рублей на брата, решили домой отправиться. По дороге опять история повторилась: заспорили они о правде-кривде да ударились об заклад на пятьдесят рублей. Повстречался им по пути барин.

— Так и так, сударь, – говорят мужики, – рассуди ты нас. Как скажешь, так тому и быть. Чем лучше на свете белом жить – правдой или кривдой?

— Нечего тут и спрашивать, – отвечает барин, – все люди на одну статью, все кривдой живут.

Взял Иван у Наума пятьдесят рублей, зашёл в лавку да хлеба себе в дорогу накупил. Отправились они дальше, а путь-то неблизкий, вот уж и ночь тёмная наступила – ни зги не видать. Бредут приятели на ощупь, совсем заблудились. Как рассвело, стали портные дорогу искать, только всё без толку: нет ни тропиночки, ни просеки, кругом тёмный дремучий лес без конца, без края. Целый день они так бродили, совсем умаялись. Вечером вынул Иван криводушный из котомки своей каравай да стал ужинать. А Науму поесть нечего: деньги-то он проспорил, не на что было еды в дорогу купить.

— Ну, – думает, – товарищ-то со мной точно поделится.

Только не тут-то было: поел Иван, оставшийся хлеб в тряпочку завернул да обратно в котомку уложил. Так и лёг Наум под кусток голодным. Кое-как проворочался всю ночь, встал утром натошак, а Иван уж завтракает. Не под силу изголодавшемуся мужику смотреть, как его приятель ест, стал он просить:

— Поделись со мной, пожалуйста, хоть корочкой!

— Нет, брат, – отвечает Иван. – Ты у нас правдивый, вот на правду и надейся. Пусть она тебя и кормит.

Опять целый день мужики по лесу плутали, к вечеру Наум совсем от голода обессилен, еле-еле ноги передвигает. Устроились они на привал, Иван снова за хлеб принялся, а Наум опять начал его о кусочке молить.

— Ладно, – говорит Иван, – пусть уж моя кривда теперь тебя выручит. Только просто так хлеба я тебе не дам – за него ты мне должен один глаз отдать.

Подумал-подумал Наум и решил, что без глаза он до дома как-нибудь доберётся, а без хлеба с голода помрёт.

— Ну, – говорит, – раз нет в тебе жалости, забирай глаз!

Дал ему за это приятель кусочек хлебца, отправились портные дальше. Только сил-то у Наума не особо прибавилось – не прошло и пары часов, как снова желудок свело.

— Христом Богом прошу: дай мне ещё кусочек хлеба, а то совсем помираю! – умоляет голодный мужик.

— Ладно, ради моей кривды, дам ещё кусок. Но за это ты мне и второй глаз отдать должен! – отвечает сытый приятель.

Испугался Наум, стал товарища просить-молить, чтобы покормил его без такой жестокой платы, обещал на всю жизнь к нему в батраки пойти.

— Нет! – не соглашается Иван, встал и уходить хочет.

Еще больше товарищ его голодный испугался: страшно одному в лесу оставаться, голодной смертью помирать, а подняться не вмоготу – совсем обессилел.

— Чего тут раздумывать? – говорит Иван. – Коли отдашь глаз, так и быть, накормлю, а потом тебя, слепого, из леса выведу.

Заплакал Наум, обернулся кругом, поглядел в последний раз на белый свет, на ясное солнышко и согласился:

— Бог с тобой, забирай мой последний глаз, если тебе уж так этого хочется, только не дай с голоду умереть!

Отдал он второй глаз, поел хлебушка да поплелся вслед за своим криводушным товарищем. Брели они так, брели, пока не надоело Ивану вести за собой слепого. Завёл он Наума на болото да и бросил там.

— Прощай, – говорит, – правдолюбец! Сиди на кочке с лягушками да рассказывай им о своей правде, а меня не поминай лихом!

Оставил он беспомощного приятеля и ушел. Стал Наум тужить-горевать:

— Видно, и в самом деле нет правды на свете! Иначе разве бы она позволила меня кривде одолеть?

Выбрался он кое-как из топи, бредёт на ощупь, вдруг слышится ему голос:

— Поверни направо да иди напрямик. Как дойдешь до самой чащи, нащупаешь тропинку. Приведет она тебя к старому дубу. Ты на него полезай, наверху затаись да слушай внимательно. Кто что под дубом скажет, то ты и делай.

Повернул слепец направо, нащупал тропинку, добрался до старого дуба, забрался на него да стал слушать. Как стало смеркаться, пришли под дерево Правда в лаптях да Кривда в сапогах. Говорит Кривда:

— Я сегодня три хороших дела сделала. Первое дело – у помещика воду отняла, пусть теперь погорюет! Второе дело – на царскую дочь хворь напустила, пускай отец её поплачет! Но третье дело лучше всего – Наума зрения лишила, пусть теперь пожалеет, что мало меня почитал.

А Правда отвечает:

— Хоть ты, Кривда, и старалась, а дело твоё всё равно недолговечное. Велит помещик раскопать яму под калиновым кустом, что в овраге вырос, вода у него и появится. Прикажет царь от той березы, что на высокой горе напротив его дворца растёт, отмерить двенадцать сажен на восход солнца, землю разрыть, крест найти да тем крестом дочь свою благословить, царевна и выздоровеет. Умоется Наум из чистого ручья,

что рядом с этим дубом бежит, сразу и прозреет.

Поболтали Правда с Кривдой ещё немного о том, о чём да разошлись. А слепой портной слез с дуба, прислушался, где ручей журчит, нашёл его, умылся и прозрел. Переночевал он под кустом, наутро земляникой лесной подкрепился да в путь-дорогу отправился. К полудню выбрался мужик из чащи, вышел на тропинку, а оттуда на большую дорогу. Пошёл по ней и добрался до барской усадьбы. Попросил он водицы напиться, а дворовые ему говорят:

— Иди, мил человек, отсюда с Богом! Вода у нас дюже дорогая: за десять вёрст за ней ездим. Наш барин озолотить того обещался, кто ему подскажет, как родник в поместье найти.

Попросил тогда Наум, чтобы его к помещику отвели.

— Так и так, – говорит, – знаю я про вашу, сударь, беду. Могу помочь!

А барин и слушать не хочет:

— У меня уж столько лозоискателей перебивало! Только деньги с меня брали, а воды так и не нашли.

— Да мне денег не нужно, я даром, от чистого сердца помогу!

— Ну, коли так, тогда попробуй.

Взял портной двух работников, пошел в овраг да велел под калиновым кустом яму раскопать. Вода из неё как хлынет – всю балку залила! Помещик радуется, не знает, как и благодарить Наума. Отсыпал ему полный кошель серебра, накормил, напоил да целую котомку подарков с собой дал. Отправился мужик дальше, только не домой, а к царю. Помнит он, о чём Правда с Кривдой судачили, решил государю помочь. Добрался Наум до дворца, дождался, пока его на приём к царю пустят.

— Ваше величество, – говорит портной, – слышал я про вашу беду, могу помочь дочку Вашу вылечить.

— Сколько уж у нас лекарей да учёных мужей перебивало – не счесть! – отвечает царь. – Только ничем они не помогли, значит, ты и подавно не справишься.

А Наум всё на своем настаивает.

— Ну, ладно, – согласился государь, – помогай. Только если царевне хуже станет, тут же мои стражники голову тебе снесут!

— На то ваша царская воля, – ответил мужик да попросил отпустить с ним двух царских слуг.

Пришли они на ту гору, что напротив дворца, нашли берёзу, отмерили от неё двенадцать сажен на восход солнца, стали землю копать, нашли крест да во дворец его принесли. Благословил царь тем крестом свою дочку, царевна и выздоровела. Обрадовался государь несказанно.

— Проси, мужик, всё, чего душа твоя изволит! – говорит он Науму. – Хочешь, дочь свою за тебя замуж отдам?

— Что Вы, Ваше величество! – отвечает портной. – Куда уж мне, мужику, в царскую родню лезть! Я уж лучше к себе домой пойду, буду там по-нашему, по-простому жить.

Отсыпал царь Науму целый кошелёк золота да проводил с великою честью. Вернулся портной к себе на родину, новую избу купил, швейную мастерскую открыл. Стали молва о нём идти по всей округе, прослышал про богатство Наумово и Иван.

— Это как же такое случилось, что и с глазами, и с деньгами слепец с болота вернулся? – думает криводушный приятель. – Надобно его проведать да обо всём разузнать!

Пришёл Иван к Науму, с новосельем поздравляет, обниматься лезет.

— Ты уж сделай милость, на меня за всё былое не сердись, – говорит гость. – Ведь сам знаешь, уговор у нас такой был.

— Ничего, слава Богу, я опять зрячим стал, – сухо отвечает Наум.

— Люди говорят, будто ты у царя в гостях побывал да с большими деньгами вернулся.

— Верно.

— А как же такое случилось?

— Да, с Божьей помощью.

Видит Иван, что так толку не добьешься, уговорил приятеля в кабак сходить.

— Угощаю! – говорит. – Хочу покаяться за то, что на болоте тебя бросил.

Пришли они в таверну, выпили по чарочке, язык у Наума и развязался. Рассказал он криводушному своему товарищу, как услышал, о чём Правда с Кривдой разговаривали, как он их послушался, прозрел, а потом и разбогател. Загорелись у Ивана глаза, захотел он тоже разговор Правды с Кривдой подслушать, да только как тот дуб отыскать, на котором приятель его сидел, не знает. А Наум и рад бы помочь, да сам запомнил. Решил тогда криводушный портной у знахаря местного совета спросить. Пришёл он к старцу, попросил помочь.

— Незачем тебе тот дуб искать, – говорит знахарь. – Я лучше место знаю. Выходи в самую полночь на болото, там увидишь старую лодку, залезь под нее, затаись да слушай внимательно. Кто что рядом скажет, то ты и делай.

Пошёл Иван на болото, забрался под лодку и слушает. В полночь вылезли из глубокой топи старый бес да двое чертят. Уселись они на ту лодку, под которой портной криводушный лежит, стали разговор вести.

— Чудные дела на свете творятся, – говорит бес. – То все Кривда одолевала, а теперь Правда в силу входит. Слышали, чертята, какое счастье Науму-то привалило? Надо бы

ему какую-нибудь пакость сотворить!

Навострил Иван уши, хотел поудобнее лечь, чтобы лучше слышать, заворочался да и выдал себя. Всполошились тут чертенята, вскочили, перевернули лодку, вытащили мужика да как завизжат:

— Дедушка бес! Тут чужой!

Набросились они все втроём на Наума, стали бить-колотить. Совсем бы ему плохо пришлось, кабы петухи первые не пропели. Только рассвет забрезжил, бросились бес с чертятами в болото, только их и видели. На счастье, утром шли мимо мужики, увидели Ивана покалеченного, помогли до деревни добраться. Сколько не допытывались, как он в болото попал, ничего портной не рассказал, только промолвил:

— И другу, и недругу своему не советую знахарям верить!

Хоть и остался мужик без богатства, а за кривду с тех пор горой стоять перестал – понял, что и правдой жить можно.